

Сергей Агафонов

18+

Кали-юга

Сергей Агафонов

Кали-юга

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Агафонов С. И.

Кали-юга / С. И. Агафонов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман «Кали-юга» будет публиковаться по частям. Всё, что автору не нравится, кроме йоги и любви, будет в этой книге: теории заговоров, войны и разруха, интриги, измена, предательство и ложь, предпринимательская деятельность и суды... Если бы я мог не писать эту книгу, говорит автор, я бы ее не писал, не только в общепринятом смысле афоризма, но и по чисто логическим причинам. В общем, роман о том, что, что Дух дышит, где хочет. Будь счастлив, достигая другого берега тьмы. Ом намах Шивайя!

1 Бхарата

Тринадцатый бактун, начавшийся 11 августа 3114 года до нашей эры, уже не раз безумно порывался в бездну, а в католическое Рождества 2012 года захотел стореть, как феерверк.

Поэтому, сведующие люди спешили. Они закололи черного козла, как самое сладострастное из животных, принесли его в жертву, разделили между собой жертвенные остатки и тихо смотрели, как догорающий огонь играет своими отблесками. Вдруг перед ними, как из под земли, появился нищенствующий мальчишка: оборванный, вонючий и грязный. Видимо пролез в щель забора.

– Дайте поесть, дайте поесть..., – как в бреду тараторил он, нарушая торжественное молчание, и, если бы не зловонье, от него исходящее, Шакуни смог бы стерпеть дольше.

– Дайте поесть, дайте поесть..., – и в Шакуни проснулась злость:

– Еще чего! Не видишь, жертвенные остатки уже розданы! Пошел вон!

– Тебе что, умыться лень?! – кричал он, – Ты такой страшный и воняешь... Еда убежит от тебя!... Питайся помоями!

– Или откуси у пса болтающуюся часть!.. – ухмыльнулся кто-то и пояснил, – Кажется, я видел его бегущего на четвереньках с бездомными сучками.

– Иди, иди! – приказал другой, – Еда отягощает!

Но нищий не уходил. Он шатался от голода, и не мог сделать и шага не – послушными ватными ногами.

– Да мы сейчас тебя самого принесем в жертву! – раздались угрожающие голоса и было не понятно, шутят или нет?

Завыли собаки, и Шакуни уже вполне серьезно предложил оборванцу:

– Давай бросим кости! Я поставлю на кон свою долю остатков, а ты, если проиграешь, взойдешь на костер!

Тот вытер слезы и слабо кивнул.

Кинули игральные кости... Даже пока они не упали, всем было ясно, кто выиграл.

– Фу, как же он смердит! – сморщив нос, произнес кто-то, – Он не пригоден для яджны...

– Время и так уже еле ползёт. И скоро оно совсем остановится! – ответил Шакуни, – Самое главное для жертвы – говорить правду, а оборванец её непрерывно твердит. Благодаря этой яджне мы не замрем, как камни.

Шакуни знал, что говорил.

Сложили жертвенный костер, начал петь хотар.

– Дайте..., – из последних сил пробормотал побирушка.

Его затащили на алтарь, дрова как будто ждали, тут же вспыхнули, огонь взвился и заплясал, пожирая несчастного. Какое-то время раздавались истошные крики, потом стихли. Воняло горелым.

Ничего, кроме жуткой тоски, от свершившегося не было, хотелось встать на четвереньки и завывать.

– Что мы наделали?! – воскликнула дочь Шакуни. – Давайте скажем, что самосожжение...

– Нищего? У нас во дворе? Никто не поверит! – ответила мать и успокоила, – Да его и искать не будут!

– Предприятиям нашим сопутствует зло, как дым огню! – сказал Шакуни, – В этом рождении он отмучался, зато в новом рождении будет счастлив!

Поднялся ветер, сверкнула молния, взорвалось небо и из него хлынуло, как из ведра, но костер от этого страннейшим образом разгорелся еще сильнее. На глазах у всех жертвенные остатки растворились, исчезли в воздухе; тут же прямо в алом пламени костра из них возник целый и невредимый, даже ничуть неопаленный, правда, очень ошарашенный черный козел. Немного помедлив, он выпрыгнул из огня, нехорошо на всех посмотрел злыми пронзительными глазами, остановил свой взгляд на Шакуни, ненавидяще промекал и навел на него рога... Ни у кого не возникло сомнений: сейчас козёл ему смертно отомстит. Шакуни побледнел. Его дочь вскрикнула. Но рогатого, как кто-то остановил, он замер в своей атаке.

Все окаменели. Очнувшись, увидели, что угли даже не тлеют, а игральные кости не упали, а парят в воздухе. Сам Махадева, прекрасный, как жизнь, стоит в центре двора и протягивает к ним руку. Тотчас они опустили в его ладонь Кали-югой, пропуском хода.

– Я никого не обидел? – иронично спросил Кала, и за сто двенадцать лет до начала бактуна растворил в своем дыхании земное время. Поэтому, хотя бактун закончился, фактически он и не начинался.

– Шива! – взмолился я, сгоревший, к вечному, но он меня не услышал.

Но не это, не это хотел я рассказать вам! Ибо это Пратьякша, открытое для зрения, явное, понятное. Боги презирают то, что можно явно увидеть.

2 Город Гавгав

Удивленными и обескураженными уходили врачи очередной бригады родильного отделения, и на дежурство, как часовые, заступали следующие. Лишь бессменно тужилась роженица, черпая откуда-то все новые и новые силы. Наконец, на пятой пересменке, общий вздох облег-

чения пронесся по палате и... внезапно оборвался. Недоумение повисло в воздухе так густо, что сделалось душно.

На мгновение ослепнув от яркого блеска, пожилая акушерка ошарашенно уставилась на сверкающий в лучах восходящего солнца золотой скелет с сербрянным черепом, на которых, прямо в ее дрожавших от страха руках, быстро появлялась плоть.

– Ры-ры-ры-ды-ды-вы-выай-й-йя ру-ру-ру..! – сильно заикаясь, недошептала она и, теряя сознание, машинально шлепнула по моему мягкому уже задку. Меня ловко подхватили, перерезали пуповину, закончилось моё утробное единство с миром, природа и жизнь разделились, появились "я" и "не я", дикий крик вырвался из моей глотки.

Я мигом оглядел палату, потом проник взглядом за ее пределы...потом дальше... еще дальше... «Какое разнообразие форм!!! – по ходу думал я, продолжая орать, охваченный священным ужасом и в восторге от богатства впечатлений.»

Тут я увидел ее и резко смолк. Как же я хотел, чтобы она увидела меня, узнала меня в облике младенца!

Услышав крик, она вскинула голову: рассыпались по плечам мягкие, как ночь, иссиня-черные волосы, взглянули вверх глаза, голубые и бездонные, как небо.

В небе парит коршун. "Вот кто кричит,– решает она", а коршун взмывает все выше и выше, в самые заоблачные выси. Внизу остается зеленый холм с разросшимся малинником и редким сосновым лесом, чьи иголки блестят, как после дождя; древние развалины, почти ушедшие в землю и покрытые замшелым мхом; буйно заросший гибкой лозой берег; заводи, зовущие в себя темной водой между желтыми кувшинками и ряской; извилистая река... Холм называется Змеиным: с его макушки до плеса тянется длинный след, как будто громадный змей сбросил здесь свою старую кожу, став вечным речным потоком.

На холме – женская фигурка: трогательная и преисполненная силы. Изящная и юная, с тонким станом и нездешним лучезарным лицом, девушка собирает цветы бессмертия. Цветы, как живые, сами тянутся к ней.

О! Посмотреть на это вернулись бы даже старые звезды, но они давно стали черной космической пылью. Синие, красные, зеленые, желтые... Как же те звезды блистали! Падая, – ты помнишь!? – они зажигали душу, и – исполнялись мечты, а нынешние, только мигают, когда внизу всё, визгливо кривляясь, летит вверх тормашками.

«Боги! Верните мне бывшее! – чуть ли не кричит она.

Меня внезапно схватили чьи-то руки, и видение тут же исчезло.

"Бывшее..." – только и успел печально подумать я, как меня вместе с моим захлебывающим от отчаяния криком, переместили загород, в секретную лабораторию ЧК. Мою мать так же увезли чекисты, и я ее так никогда и не увидел.

Там, я только и жил, что в падме. Никакие другие занятия меня не увлекали. На десять минут я задерживал дыхание на выдохе и на сорок на вдохе, наслаждаясь своими визуализа-

циями. Я мог спокойно дотронуться до них руками! Окружавшим меня людям, это было очень интересно.

– Что ты видишь? – непрерывно интересовались они.

– Распад СССР! – пытался картаво объяснить им я, но они не понимали.

– Золото и серебро – четыре девятки... – говорили одни, – Тело йоги! И йогическое взгляд!

– Радиоуглеродный анализ показывает пять тысяч лет! – вторили им другие.

– Этого просто не может быть! – все отрицали третьи, – Он подделка, фуфло!

Один из них снялс меня подгузник.

– Да это новый Григорий Распутин! – воскликнул он.

Надо отдать им всем должное: они относились ко мне лучше, чем к ювелирному изделию, живому ископаемому или лабораторной мышце. Но я с ними почти не разговаривал: не мог простить конторе разлуку с матерью, и исчезнувшее райское видение.

Не сразу, но я сумел превращать свое золото и серебро в обычные кости, кости в гнущийся кевлар, кевлар в плазму, плазму в распад и – наоборот; быть гибким, как змей или несгибаемым, как скала.

– Силён! – сказали чекисты, и по истечению десяти лет меня направили в пионерский лагерь Артек-Пара.

– Пара – это высшая видья, – объяснили мне, – Не для таких, как все!

Но не это, не это хотел я рассказать вам! Ибо это Пратьякша, открытое для зрения, явное, понятное. Боги презирают то, что можно явно увидеть.

3 Сухум

До революции, когда я была совсем маленькой, бабушка садилась возле кровати в моей детской, рассказывая всякие истории. "Спи, Заночка, – говорила она, и я засыпала под них."

Вот все, что я помню:

"Давным-давно, когда горы еще не были горами, а текли, как реки, когда среди непроходимых болот пылала лава и поднимались ядовитые испарения, над ними грозно и величественно появился мавзолей. Зиккурат был огромен, не было видно ни конца его, ни края, а вершиной он касался самых звезд. И оттуда однажды в него, ослепительно сияя, сошли боги.

– Мрак и хаос ! – сказала Нинсург, озаряя тьму своим светом.

– Зачем только мы сюда прилетели? – недовольно пробурчала Нинлиль.

– Не ной! – обрубил ее муж, командующий небесным десантом Энлиль.

– Приступим к делу! – предложил зеленоглазый Энки, и закипела работа.

Сто аннунаков стали осматривать корабль. Сто игигов принялись ставить модули. Четыре отряда, каждый по сто игигов отправились на разведку, пошли в противоположные стороны. Через сто дней они вернулись с докладом:

– В атмосфере чересчур много водорода! Поднеси огонь – загорится! – сказал командир, вернувшихся с севера.

– А ты не подноси! – парировал Энлиль. Он все еще был рад, что они, наконец-то, прилетели. И не скрывал этого.

– Много золота! – кратко сказал командир, вернувшихся с юга.

– Оно-то нам и нужно! – весело ответил Энлиль.

– Нет разумных существ! – сказал командир, вернувшихся с запада.

– А мы!?

«Были бы мы разумными – не прилетели бы сюда! – подумал тот.»

– На востоке есть твари! – сказал командир, вернувшихся с востока.

– И это – хорошо!

И Энлиль скомандовал:

– Отдыхайте!

Когда игиги удалились, оставшиеся аннунаки продолжили переговариваться между собой.

– Мы же дышим! – констатировал Энки.

– Но мы же аннунаки! – сказал Энлиль.

– Игиги анунаки тоже! – сказал Энки, но Энлиль не ответил.

– А как живут живущие здесь?! -воскликнула Нинсург, – Почему не сторают?

– А кто их знает? – сказала Нинлиль.

– Вот и займитесь этим!

– Слушаюсь! – ответила Нинлиль, улыбаясь, и пообещала, – Эта планета будет твоим Сознанием!

– Добывая много земли, будем рыть много рек! – сказал Энлиль, – Добывая много золота, будем рыть много туннелей!

– Разобьемся на четыре группы! – продолжил он, – Одна будет заниматься воздухом, старшая – Нинлиль! Другая – водой, старший – Энки! Третья – землей, старшая – Нинсург! Четвертая – подземельями, старший – сын мой Нергал!

– Пустим повсюду жизнь! – приказал он.

– Где мы возьмем столько жизни? – спросил Нергал.

– Из моего разума! – ответил Энлиль, – Мир – это то, что я представляю!

И боги, под его руководством, занялись этим миром, стали приводить его в божеский вид, чтобы он глаз их радовал. Они поднялись в основной модуль, включили на полную мощность генератор, поднялась буря: песок с Земли на небо пал. Всё пространство заполнил собой звук: «АУМ!!!». В нем закружились палитры всех красок. Сто дней искрились они, переливались!

И через сто дней сами собой потекли диковинные реки. Сами собой возникли безграничные моря. Зацвели диковинные цветы. Выросли диковинные леса. В них ходили диковинные звери. Ползали диковинные змеи. Летали диковинные птицы.

– Какой сказочный мир! – воскликнул Энлиль, – Подобного у меня нигде не получалось! Это мой лучший мир в галактике!

Нинлиль сказала:

– Вот ключи от этого мира. Один будет храниться над старым, на полюсе «Альфа» и дубликат его на полюсе «Омега», – а про себя подумала: «Я его представила, и он возник! Я хороша!»

Эндиль задумался: «А если кто-то его похитит? А если кто-то его разрушит?» и, поэтому, сказал:

– Чтобы его никто не похитил, чтобы его никто не разрушал, надо его ото всех спрятать! Пусть он будет только нашим! Создай миры параллельные! Напусти майю, Нинлиль! Хорошо спрячь его ото всех! – и повторил, – Этот мир очень хорош! Пусть он будет только нашим!

И Нинлиль его спрятала. Она создала миры навь и морок. Напустила майю. А мир «явь-правь» – оставила только для них. Ключи от него она отдала братьям: один Энлилю, богу ветра, другой Энки, богу воды.

Потом ануннаки кинули жребий: им выпало управлять, а игигам – копать реки и тоннели, строить города, дворцы и обиталища. Так продолжалось долгие годы, пока однажды игиги не возмутились и не возроптали.»

4 Артек Пара

«Пионер! Сделай быль сказкой! – призывал лозун над трибуной, – Твёрдо помни: из всех искусств важнейшим для тебя является визуализация!»

Заиграли зарю на барабанах, и звонко пропел горн.

Нас построили на небольшом плацу, опоясанном шелковицей и платанами. Как брахманский шнур или змея на шее Шивы, на нас красовались пионерские галстуки. Длинный конец его символизировал рабочий класс, короткий – трудовое крестьянство, а узел – их неразрывный союз; на сакральном же уровне это обозначало Шиву, Шакти и извечную связь между ними.

Когда барабанная дробь смолкла, с трибуны раздалось:

– Пионеры! К защите мира во всем мире будьте готовы!

– Всегда готовы! – дружно отрапортовали мы.

Осмотрев нас, оратор продолжил:

– Товарищи пионеры, слушайте! Международная обстановка сегодня сложная, как никогда! Американцы хотят взорвать Луну, чтобы наша Советская Родина и ваше счастливое детство были погребены под ее осколками! Но мы не позволим им этого сделать! Вы не позволите этого сделать, потому что вы дети революции! Непобедимой красной тантрой мы одолеем всех коварных врагов! – воодушевленно произнес парень в белой приталенной рубашке с красным галстуком на шее и призывал, – К всемогущей йоге! К великому коммунизму! К нашему светлому будущему! Будьте готовы!

Мы отсалютовали.

– Вся власть брахманам! – с тихим смешком сказала девчужка справа от меня. Мы посмотрели друг на друга, и сильная искра пробежала между нами. Да что там искра, разряд тока минимум 220.

– Нет, скоро рулить будут шудры, – прошептал я.

– Как ты можешь так говорить! – укоризненно сказал стоявший рядом мальчик, но я не удостоил его ответом, потому что все мое внимание было приковано к ней.

У нее было смуглое лицо, с немного выдающимися скулами и ямочками на щеках, большие миндалевидные глаза василькового цвета, роскошная черная коса. На ее сарафане пылал значок пентаграммы с изображением кобры, раздувающей капюшон над плечом юного Ленина, а её пионерский галстук мне показался краснее рудракши кшатрия. Я ничего не видел и не слышал, кроме нее и, если есть в мире прямая визуализация на любовь, так это была она.

Далеким эхом до меня доносилось:

– Пионеры! Если вы целеустремленно идете к коммунизму, то рано или поздно достигните его! – вещал парень, – Вы должны стать мудрыми, смелыми, ловкими и ядовитыми, как кобры на ваших значках, чтобы безжалостно жалить мировой капитал, его слуг, прихвостней и наймитов! Скажем "НЕТ!" эксплуатации человека человеком!

Мы сказали.

– Портниекс, начальник лагеря, боевой йог из Латжастана, – прошептала маленькая богиня, – Он один, без оружия, положил целый взвод морских котиков во Вьетнаме.

Я молчал и, как зачарованный, пялил на нее глаза... Я готов был положить к её ногам весь мир.

– Сильно! – наконец, прошептал я в ответ, – Тебя как зовут?

– Тара...

«Она из тантры, – сразу понял я, и мурашки пробежали по моей коже. – Иштадевата! – воскликнул я про себя, – пусть она будет моей Шакти!»

– Пионеры! – проговорил парень, косо посмотрев в нашу сторону, – Свобода – это победа над зависимостями! Освободитесь от всех привязанностей и будете непобедимы! – мне показалось, что тут он опять посмотрел на нас, – Целиком будьте преданы только делу коммунизма! Одно оно должно захватить вас полностью! Помните – тантра и коммунизм едины, как народ и партия!

Выдержав паузу, он продолжил:

– Всем вам рано или поздно предстоит пройти инициацию! Это будет невыносимо трудно, почти невозможно! Надо готовиться к этому прямо сейчас! Вы – продолжатели дел красных ариев, дел последних аватар Шивы: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина! Гордитесь этим! А мы – ваши старшие товарищи, всегда поддержим вас! Вперед! К победе небывалого! – провозгласил он и закончил, – Будьте готовы!

– Всегда! – дружно ответили мы, двенадцать мальчиков и тринадцать девочек.

Но не это, не это хотел я рассказать вам! Ибо это Пратьякша, открытое для зрения, явное, понятное. Боги презирают то, что можно явно увидеть.

5 Сухум

"Игигам было не до красот планеты. На ней им выпало рыть землю и не переставая таскать тяжести. Хотя игиги между собой поговаривали, что они старшие боги, и руководить надлежит им, но так выпал тот давний жребий, который они тянули с аннуаками. С тех пор прошло много лет. Землю и подземелье изрыли они реками и туннелями. Игиги очень устали.

– Хотим видеть Энлиля! Неправедно он был назначен! Его заменим, другого назначим! Назначим нашего! Мы – старейшие боги! Объявим войну молодым аннуакам! Сражение да столкнется с битвой!

Со всех сторон земли стали собираться игиги, старейшие боги. Они выбрали самых уважаемых и, чтобы избежать кровопролития, отправили их к Энлилю.

– Этот мир – сознание ваше, а горбатимся мы! Руки наши в мозолях, а глаза от бессониц слипаются! От тяжестей надорвались мы! Придумай! Сделай для нас что–нибудь, ведь мы старшие боги!

Рядом с ними стояла большая черная обезьяна.

– Вот поймали мы обезьяну! Большую и красивую обезьяну! – говорили игиги, – Убей её, убей анунака и прикажи слепить из них и глины нам человек! Нам помощников!

– Не сделаете помощников – вас уьем, и все разрушим! – предупредили они.

Задумался крепко Энлиль, это услышав, помолчал, а потом сказал прочувственно:

– Ваш труд тяжел, велики невзгоды, горьки стенанья и плачи ваши. Мы с вами братья! Мы с вами боги! Но поработайте еще хоть немного! Пока мы сделаем для вас человек! Скоро они будут рыть туннели и реки! Золото добывать! Работать на всех нас будут!

– Ладно! – согласились игиги, – Только не мешкайте!

Не долго думал Энлиль, что делать.

– Нинсург! – позвал он и указал ей на обезьяну, – Вот тебе обезьяна! К ней возьми анунака, глины, смешай и создай человек! Все бремя трудов мы на них возложим!

Призадумалась Нинсург, скрестила перед собой руки: опять убивать аннунаков!

– Трудное это дело! Я не могу сотворить его в одиночку! Только с Энки мудрым! – сказала Нинсург, – Ибо лишь он освящает убийство! Ибо лишь он освятит человек! Только вдвоем можем мы сотворить мы это!

– Хорошо! – согласился Энлиль, – Да будет так!

В первый же месяц, в дни седьмой и пятнадцатый, Нинсург и Энки совершили обряд очищения. По жребию, один из богов был ими убит. Из его плоти и на его крови, из плоти и на крови обезьяны, на серой глине сотворила Нинсург смесь. В которой соединила божественное, звериное и прах. Из смеси выползло три змеи, одна уползла, а две обвили её жезл.

« Хорошее знамение! – подумала она, – Я сделала это! Я хороша!»

6 Артек Пара

На кумаче большими буквами было написано: «ЛЕНИН ЖИЛ! ЛЕНИН ЖИВ! ЛЕНИН БУДЕТ ЖИТЬ!» и висела картина Рылова: в Разливе, у шалаша, на фоне восходящего солнца, бессмертный вождь, держа трезубец, дает секретные наставления в тантре счастливым Надежде Крупской и Инессе Арманд.

Прозвенел звонок. За партой рядом со мной сидела Тара.

– Итак, о цари, – шутливо обратился к нам преподаватель, – Тантра, конечно, вечная жизнь, но мы продолжим наш разговор о Кали-юге. На чем мы остановились? – он призадумался.

– Супруга Адхармы, красавица Митхья (ложь), с кошачьими глазами, родит Шамбу (обман) своего отвратительного сына. Его сестра Майя (иллюзия) даст жизнь Лобхе (желанию), и ее дочь, названная Викрити (болезнь) даст жизнь Кродхе (бешенству), чья сестра Химса (насилие) родит Кали-югу. Эта ужасная Кали-юга держится на могуществе священных ароматов, на лжи, вине, женщинах и золоте. Ее сестра Дуркрити (дурные поступки) даст жизнь мальчику по имени Бхайя (ужас) и девочке по имени Мритью (смерть), которые создадут Нирайя (ад), – вспомнил он и продолжил, – Из-за могущественного влияния века Кали в людях с каждым днем будет оставаться все меньше и меньше религиозности, правдивости, терпимости и милосердия, с каждым днем будет сокращаться продолжительность их жизни, уменьшаться физическая сила и ослабевать память...

– Продолжай, пионер! – вдруг обратился он ко мне, недовольный тем, что я оживленно болтал с Тарой.

– В Кали-югу просто богатый человек будет слыть аристократом с безупречными манерами и возвышенными качествами, – без запинки продолжил я, не переставая украдкой поглядывать на Тару, – Нормы законности и справедливости в отношениях между людьми будут устанавливаться тем, кто сильнее. Мужчины и женщины в этот век будут вступать в сожительство лишь из-за сиюминутного влечения, а успех в бизнесе будет полностью зависеть от умения обманывать. Не получать большого жалования для человека будет считаться верхом неприличия. А признаком выдающейся учености будет считаться просто умение очень ловко жонглировать словами. Любой, кто не имеет денег, будет считаться безбожником. Лицемерие станет добродетелью. По мере того, как Землю все больше будет наводнять развращенный народ, к политической власти будет приходить тот общественный класс, который в данный момент оказался наиболее могущественным. Эти алчные и безжалостные правители будут вести себя не лучше обычных воров.

От присутствия рядом Тары, я просто впадал в транс.

– Достаточно. Ты знаешь тему! – сказал он, – Только если ты будешь болтать, этот век скоро наступит!

Я подумал, что он уже наступил, и скоро уже начнет проявиться в полную силу. Учитель между тем продолжал:

– Когда наступает век Кали, на Земле воцаряется обман, ложь, лень, сонливость, насилие, подавленность, скорбь, замешательство, страх и бедность. Людям, мучимым голодом и непосильными налогами, не останется ничего другого, как принимать в пищу листья, корни, плоть животных, дикий мед, древесные плоды, цветы и семена. Мужчины в Кали-югу будут совершенно жалкими созданиями, находящимися под властью женщин. А шудры будут кричать брахману: «Эй!...»

– Интересно, что и Гесиод описывает это время примерно так же.... Расскажи нам, Тара.

Он опять прервал наше маленькое счастье, но мы как готовились:

– Ни отец более не будет походить на своих сыновей, ни сыновья на отца; гость более не будет дорог хозяину, друг – другу, или брат брату, как это было в прошлом. Как только дети вырастут, они начнут презирать своих родителей; будут оскорблять их со злостью, не боясь гнева небес. Они откажут в пище старикам, выкормившим их. Не будет придаваться никакого значения клятвам, а также справедливости и добру; бесчестным людям, планирующим преступления, будет оказываться уважение; единственной правотой станет сила; не будет существовать никакой осознанности. Трус будет атаковать смельчака словами, поддерживающими ложные обещания...

Учитель выслушав её, со значением поднял вверх указательный палец и прознес:

– Но пока есть Советский Союз мир будет спасен от большинства ужасов Кали-юги! Передовое научное мировоззрение – теория марксизма-ленинизма – учит, что сама капиталистическая система мирового хозяйства содержит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что в силу этого развитие мирового капитализма происходит не в виде равномерного и плавного движения вперед, как у нас, а через кризисы и военные катастрофы. Капитализм, как хаос, может быть оценен только отрицательно.

Он прошелся между партами и остановился у нашей.

– Но что человек достигает за один год Трета-юги, в Двапара-югу может быть достигнуто за один месяц, в Кали-югу – за один день! – сказал он, – И это её единственный плюс!

– Запишите домашнее задание: вам нужно выучить наизусть 12 песню «Бхагавата-пураны» и «Труды и Дни» Гесиода.

– А вас я попрошу остаться, – обратился он к нам с Тарой.

– Надо – сказал он, когда в классе уже никого не было, – подготовить для меня доклад по работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства.» Я дам вам полный текст этой книги. Там есть отличные мантры для Кали-юги.

Он сел на край нашей парты, внезапно осунулся, задрожал и взгляд его непроизвольно уставился в переносицу.

– С-с-силы... зла... мы... об-б-бложены...неслыханной...ложью... их с-с-сетями... империя з-з-лла... не дремлет... она р-рыщет... вынюхивает... подло к-к-клеветет...она.. п-п-присваивает себе... в-в-все наше х-х-хорошее... а нам... п-п-приписывает... все... п-п-плохое... – проговорил он не своим голосом,задыхаясь и с каждым словом меняясь в лице, – они с-с-сеют агрессию... они отравляют... в-в-весь... б-б-белый свет... с-с-своим ядом... отравленные... б-б-будут... д-д-долго к-к-корчиться... в-в-в п-п-предсмертных... м-муках... они меч-ч-тают... переписать историю... п-п-потому что она... с-совсем не т-т-такая... как они...с-с-сейчас... р-р-рассказывают... и г-г-грядет некто... т-т-тщеславный... с-с-свыше меченный... ф-ф-фиолетовой кляксой...н-на лысине...к-к-купленный... и п-п-проданный.... он с-с-сдаст в-в-врагам... к-к-как гайдаровский п-п-плохиш... весь с-с-социалистический... л-л-лагерь... б-б-без

остатка... з-з-зло...извращения... п-п-полностью завладеют м-м-миром... п-превратят его... в к-к-к-клоаку... – с конвульсивными гримасами, жадно глотая воздух, произносил он.

– М-м-мантры г-говорят... к-к-когда нашего... л-лучшего... за всю... историю... ч-ч-человечества... государства н-н-не б-будет...– выговаривал он, – исчезнет... с-с-само человечество... Господь... с-с-сож-ж-жет в-всё...к-как...с-с-содом...г-гоморру...

– Ос-с-танетесь... т-т-только... вы... именно в-вам... п-п-придется... вос-с-с-создать... всё... с-с-с с-самого начала... – с трудом договорил он и, держась за стеночку, выкарабкался из класса.

Мы бросились ему помогать, он, стесняясь, отстранил нас, мы вернулись. Я спросил Тару:

– Что ты думаешь об этом? – но она ушла от прямого ответа.

– Он медиум, – сказала она.

«Я знаю, что будет дальше...», – подумала она и вздохнула.»

– В смысле – с нами? – спросил я, прочитав ее мысли. Её ответ интересовал меня больше всего на свете. Но она промолчала.

Учитель медленно двигался по коридору, зашел в учительскую. Затворив за собой двери, он проговорил:

– Они эк-к-кас-с-сандхиг-г-грахи... у н-н-нас... т-т-таких ещё... н-н-не б-было н-никогда...они в-все узнают... з-з-ззаглядывая в с-с-себя... как... в д-д-древней Б-бхарате...

Взглянув на плакат с золотым ленинским профилем и надписью – «Лучше меньше, но больше!» – он повторил:

– Т-таких с-с-сейчас... так м-м-мало... что их... п-п-практически нет...

Протниекс налил ему стакан сомы, тот залпом выпил.

– Как в корове содержится масло, в дереве огонь, в винограде вино, так и в этих детях содержится волшебство, – многозначительно заметила пионервожатая, – Только нужно знать, как его раскрыть.

– Партия знает! – сказал Портниекс, как отрезал, – Им тысячи лет и, если им суждено принять на себя весь багаж прогрессивного человечества, так и будет!

Но не это, не это хотел я рассказать вам! Ибо это Пратьякша, открытое для зрения, явное, понятное. Боги презирают то, что можно явно увидеть.

7 Сухум

« – Как мне надоело понукать, ругаться, спорить, требовать... Командовать этими обезьянами! Мрут, как мухи! Только успеют чему-то научиться, уже умирают! У них даже поверие

есть: если чему-нибудь научился – скоро умрешь! – сказал надсмотрщик над людьми аннунак Эннуги управляющему работами ануннаку Нинурте, – Я люблю, когда все происходит само собой,

– О! Это гармония! Высшая форма подчинения! Но тут не Нибиру, и нам не достичь такого! – ответил Нинурта.

– Если и дальше так пойдет, то скоро мы останемся без аннунаков! Всех их переведем на обезьян и глину! – сказал Нинурта и, помолчав, добавил, – Пускай они размножаются сами!

– Они не умеют! – сказал Эннуги, рассмеявшись, – Нинсург их не научила!

– Чего же ты молчал об этом раньше?

– Не хотел по мелочам беспокоить!

– Это не мелочи! – сказал Нинурта, – Доделать их, все же, надо! Или Нинсург и сама не умеет?

– Надо – так надо! – продолжил он, – Скажу я Нуску! Пусть он передаст это Энлилю!

И Нинурта сообщил это Нуску, советнику Энлиля, а тот, в третий день недели, передал Владыке-ветру это послание, сказав:

– Все не так получается это! То это не так! То не так то! – и рассказал в чем дело.

– Пусть Нинсург займется этим., -выслушав, сказал Энлиль, – Говорила, что хороша она! Пусть это делом докажет!

– Я занимаюсь! – сказала Нинсург, – Но это не так просто! Кто-то, наверное, напутал пробирки! Из них появляются человеки, кто с козьими ногами и рогами, кто с лошадиными ногами, кто с задней частью коня, а передней – человека. Появляются двукрылые люди! Появляются четырехкрылые и двулицые! Тело имеют одно, а голов – три: мужскую, женскую и еще какую-то! Ещё и духи бестелесные выходят... И все они работать не умеют! Как копытами или крыльями туннели рыть? Как носить тяжести?

– И человеки бесполое все выходят! – помолчав, добавила она, – Не растет у них то, что надо!

Энлиль ее внимательно выслушал и попросил:

– Прошу, занимайся скорее! Скорее! Ускорь работы! Перебьем всех своих аннунаков иначе! – приказал Эндиль и, посмотрев на неё, подумал: « Должно, осенить или нет? Должно!»

– Не получают у них первичные половые признаки! Не получается пол! – жаловалась она Энки.

– А ты сделай наоборот, и все получится! – посоветовал он.

Не прошло и четыре года, как Нинсург доложила:

– У меня получилось! Размножаются сами! Я – хороша!

– Молодец ты! – Энлилль ответил. «Осенил ее Энки, – подумал.»

Человекообезьяны стали звать Нинсург «Мамми», и скоро она сказала Энки:

– Боюсь к ним привыкнуть! Они нам, как дети!

Своих детей у них не было.

А Нинлилль из зависти ей сказала:

– Главное достоинство твоего шумера – большой член!

А Нинсург ответила ей без злобы:

– Кинь тебя в воду – вода протухнет!

Над мутантами, издержками производства, поставили властвовать женщину, аннуначку по имени Оморка, что значит "море", в числовом же выражении – это луна, наполовину сгоревшая, ббб.»

8 Артек-Пара

Йогу тантрического коммунизма нам преподавал Смирнов.

– Некоторые утверждают, что дешифровальщик капитализма Маркс, является главным творцом коммунистического общества, – говорил он, – Но этот высокий авторитет марксизм заполучил от Ленина – гурю практического осуществления тантрического коммунизма на зло всем буржуям в нашей стране, разрушившего, как Шива, ненавистное старое и заложившего великое новое – мокшу для всего человечества. Его деяния сравнимы только с сотворением мира из книги "Бытия".

– Как бы то ни было, у них призрак коммунизма до сих пор явственно витает над гнилой Европой, и там его очень боятся! И не в ней одной! А кто такой он есть, этот призрак? – спрашивал он, и сам отвечал, – Социалистический йог – наиболее полный его образ. Сам же его тантрический дух находится в непрерываемом общении с Марсом, Лениным, Сталиным и другими образами полной ньясы. Сам же он целиком в тантрическом коммунизме.

И мы твердили:

– Пусть меня защитят: Маркс – голову, Ленин – сердце, Сталин – руки, а Энгельс – прямую кишку...

– Коммунистическая йога – главное, что может человек, – говорил он, – остальное – сильно усеченные программы для идиотов, оболваненных капиталистической пропагандой. Истины не бывает без коммунистической йоги, ибо она – начало и конец. Вам ничего не сле-

дует знать кроме этого. Любое другое восприятие мира – иллюзия, и не приводит ни к чему. Наша же цель – превзойти эмпирический опыт, преодолеть свою обусловленность.

– Вечность – мера пути тантриста-коммуниста, она такой же образ времени, как он. Вместе с вечностью они застыли в своем движении вперед, и время для них отныне не останавливается ни перед какими препятствиями, не заикливается ни на каких плодах своей деятельности, пока не настанет самадхи, наступит личный коммунизм.

– Отсутствие времени – признак тантры, – продолжал он, – Поэтому, нам нужно не время, а выпадание из него: где нет времени, где исчезает различие форм, и суть вещей обретает свою неизменную первородную целостность, там начинается вечность, там тантра, там коммунизм. Слившийся с ним испытывает блаженство.

– Пневма живая, она живет всех живых, как Ленин, потому что он весь состоит из пневмы. Пневма – это высшая видья, которая нисходит на нас. Пока она кого-то не прикоснется, все думают, что это метафора, что на самом деле ее нет или почти нет. В нее могут поверить только те, кто увидел её третьим глазом.

– Профанная жизнь – это способ существования белковых тел! – улыбался он, – Сакральная жизнь – это максимальная задержка дыхания! Хотя бы на полчаса!

– Будьте как дети! Это значит открыть вилочковую железу, трезубец Шивы! – предложил он, – Пока вы и есть дети, надо этим пользоваться! Втирайте в неё топленое масло! Быстрее войдете в самьяму!

– Природа двусмысленна, а человек её дитя. Психические силы у него так велики, что смерть не имеет с ними ничего общего. Это тело есть место знания, в котором все собирается воедино. Но отношения "я" к "самости" у вас сейчас хаотично и темно. У всех, кроме двух в вашей группе.

– Вселенная находится внутри микрокосмоса, внутри человеческого тела, а внешнее время – это модуляции потоков жизненной энергии в его энергетических каналах. Твердь небесная раздвоена на небеса и тело, и они согласуются друг с другом. Поэтому, Ленин учит: « Коммунизм повсюду. Тат твам аси.»

И мы созерцали элементы огня, воды, земли, воздуха и эфира и их составляющие: марксизм-ленинизм, политэкономия, социологию, психологию и военное дело.

Касина была: серп слева, молот справа, потом наоборот; серп снизу, молот сверху, потом наоборот и так шестнадцать вариантов. Пятиконечная звезда ярко светила над ними малиновым светом, направляя лучи нам в пупок, под ложечку, соски и аджну. Кобра с плеча Ленина, заползала нам в копчик и скользила в мозг.

– С этим Интернационалом, – гоняли мы мантру от чрева до сахасрары тысячи раз и сливались с серпом, молотом, звездой и планетой.

– Воспрянет род людской, – твердили мы пока не выходили из себя, становясь коммунистическими призраками, протягивающими руки помощи обездоленным неграм.

Для этого мы использовали полный лотос, обхватывая руками свои ступни. Положение тела не менялось во всех медитациях, а Тара насчитала их сто восемь.

– Йогическая сила! – воскликнула она.

Никто уже не помнил, какие сейчас лунные сутки.

Но не это, не это хотел я рассказать вам. Ибо это Пратьякша, открытое для зрения, явное, понятное. Боги презирают то, что можно явно увидеть.

9 Сухум

« Не прошло и двенадцати сотен лет, расплодилось люди, как микробы: мало того, что копошатся повсюду, так еще и галдят противно, словно галки.

– Шум их меня достает! – говорил Энлиль раздраженно.

– Участь богов на Земле хлопотлива и скорбна... – грустно говорил он.

– Шум богам ненавистен! – подтвердила Нинлиль и ласково обняла его. Но через минуту он вырвался и вскочил.

– Как же они меня достали! Шум лезет даже сквозь закрытые окна! – вскричал бог так грозно, что Нинсург даже вышла.

Кругом спешили люди. Шли на работу. С работы. К себе в лачуги. Гомон стоял, как на птичьем базаре!

– Люди, говорите тише! – призвала Нинсург человек.

Они не останавливались, не складывали руки по швам и не слушали.

– Лучше – больше богам молитесь! – говорила она, – Искренно! Толк тогда будет!

Но люди уже давно всерьез не молились, так давно, что забыли даже, как делать это. В храмах стаи собак жили, в храмах вороны каркали и роняли помет.

« Как переселить их в мир параллельный? Как совместить этот мир и параллельный? – думал Энлиль, – Чтоб работали они там, а результаты сюда приплывали?

– Сердце человека сделала ты не должным образом! – сказал Энлиль, – Разума в него немного вложила! Зачем такой длинный язык им дала? И говор этот противный? – но ни Нинсург, ни Нинлиль рядом не было, он разговаривал сам с собой.

«Прилетел... – подумал он, когда понял».

– Много их... много..,– говорил на следующий день Энлиль Нинлили, жене своей, – Только водой смыть их можно!

– Тогда приносить жертвы, молится они вообще не будут! Подумай!

Но сотворил в сердцах Энлиль жуткий морок, его большую сеть на людей он накинуд!
Бог приказал – чума на них напала! Сын его, владыка судьбы, Намтар уменьшил их гомон!

– Все равно очень громко! Еще больше уменьши звук их ! Проряди еще их ряды!

– Отец! Работать некому будет!

– Сделай так все-равно! Они размножаются быстро! Может, потомки их лучше будут!
Должны! А этих пусть Нинлиль в параллельный мир переселит, майю на них напустит! Мы в
своем мире одни будем! Больше они нас не увидят!

Главному богу виднее.

– Хорошо,– сказала Нинлиль. Но сделала по другому: не со всеми сделала это.

Но гвалт их не утихал. На улицу невозможно выйти было. Окна не откроешь.

– Схитрила ты! Но я не держу на тебя зла, так устроено небо, ты знаешь! – узнав про это,
любя, сказал ей Энлиль, – Но Нинсург их все равно переселит!

Удивилась Нинсург его тихому примирению с супругой, даже создала для людей сторо-
жей рождения, а Оморка выпустила демона голода Пашиту.

Голод искажил людей. По наступлению первого года худыми стали их длинные ноги,
узкими стали их широкие плечи. Вдоль улиц брели они согнувшись. По наступлению второго
года дочь караулила мать в воротах, но мать не открывала дочери двери. Следила дочь за
весами матери, следила мать за весами дочери. По наступлению третьего года дочерей своих
они съели, сыновей употребили в пищу. Семьи истребляли друг друга. Их лица покрылись
солодом смерти. Людям не доставало жизни.

И обратились они к Энки, послали к нему своего представителя Шумера. И отметил его
Энки. Он уста открыл и молвил наущения:

– Собери старцев пред своими вратами! Совет держи! Так скажи им: "Прикажите, вест-
ники пусть объявят всей стране громогласно: "Вы не чтите богов ваших! Молитвой не славили
богинь ваших! Но постройте храм Намтару, хлебы печеные перед ним поставьте, мукой сезама
воздайте жертву! Благовония жгите! Устыдится Намтар пред дарами, удержит руку!"

Храм Намтара люди воздвигли в граде. Делали воскурения все время. Дары на алтарь
подносили.

Прошло некоторое время. Энки, выбрав благоприятный час, пришел к Энлилю.

– Храм новый, большой воздвигли они – твоему сыну! Благовония курят! Жертвы при-
носят! – сказал Энки и, промолчав немного, добавил, – Брат мой, человечество стонет! Рабо-
тать на нас в полную силу не может! Будь милосерден! Ведь они мне, как дети!

– Ладно, ослаблю я гнев свой!– согласился Энлиль.

«Легко согласился братец что-то! – подумал Энки,– Не задумал ли худое?» Что-то кольнуло в груди.

– К вам Нуск, владыка, – доложил привратник, когда Энки удалился.

– Пусти! – приказал Энлиль, глядя своих леопардов.

Нуск вошел в палаты, упал ниц перед Энлилем и сказал тихо:

– Ваша жена, владыка, спит в саду с шумером. Часто."

10 Артек Пара

Для кого смерть – приправа, тот йогин.

Пионеры Света и Вася, Оля и Миша, Константин и Бригита сгорели от внутреннего огня. Пионер Роман так высоко поднял апану, но неудачно смешал ее с другими пранами, что улетел, как шар, при этом пребывая в дхьяне. Пионерам Коле и Лене оторвало голову, когда они неправильно произнесли мантру. Пионерам Толику и Наде, Володе и Кате разорвало внутренности, когда они делали многосуточную атара кумбаху, не гармонизировав все токи. Остальные пионеры Артек Пара сошли с ума, побывав в объятиях дакинй и ракшасов в их устрашающем обличии. Всех похоронили на узком участке земли в скалах. Йогинов не сжигают. При такой садхане сгоришь сам и не заметишь смерти.

Остались только трое Тара, Наташа и я.

На экзамене по тантрическому коммунизму мы выдохнули до рассвета, а вдохнули в полдень, задержали дыхание до сумерек и выдохнули в полночь, потом расслабились в шавасане и заснули до трех. Следующую неделю мы вообще не дышали.

Московская комиссия из двенадцати человек единогласно признала нас Дивья-бхавами, и нас приняли в ряды КПСС. Нам было предложено два пути: или стать аскетами в крымских скалах, или гуру в Академии Коммунистической тантры пути марксизма-ленинизма.

Третьей девушки на экзамене не было.

– Свободны! – сказал Протниекс, – Можете заниматься майтхундой. Будьте счастливы, достигая другого берега тьмы!

Нам же было так хорошо, что вообще ничего больше не было нужно, даже мокши. Наши души летали, мы и сами жили как будто в невесомости и скоро обнаружили, что можем летать, даже, когда не делаем садхану. И мы выбрали Академию.

– Где они? – спросил однажды оперативного дежурного Портниекс.

– Они улетели! А потом исчезли с радаров.

Портниекс замер.

– Давно?

– Пара часов...

– Объявляй тревогу! Мы не можем их упустить!

Тот вдруг вздохнул с облегчением:

– Появились!.. – показал на экран и добавил, – Да не волнуйтесь вы так, товарищ майор, никуда они не денутся.

На рассвете, одетый только в ветер, я делал утреннюю пранаяму перед самьямой в скалах недалеко от лагеря, когда ко мне приблизилась наша пионервожатая Роза. Ей было лет двадцать, и она была очень хороша.

Она смотрела на меня большими влажными глазами, потом, взяв в руки мое естество и погаживая его, прошептала: «Бедный мальчик... Искушения будут ждать тебя на каждом шагу...»

– Сущность лежит в сердце и проявляется через суть. Не может быть греха в желаниях, если нет погрешности в рассуждении, – нежно сказала она, – Я научу тебя правильной майтхуне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.